

## Глава 17. Большое будущее

Лю Мухань рванулся вперед, выбрасывая кулак. Это был первый прием кулачного искусства Поместья Зеленой ивы — «Железный кулак серебряного крюка».

Название у Поместья Зеленой ивы было изящным, поэтичным, но обитали там сплошь неотесанные крепыши. Под стать хозяевам было и боевое искусство, обязательное для каждого адепта: яростное, жесткое, уповающее на грубую силу. Тот самый «Железный кулак серебряного крюка» при поддержке внутренней энергии мог превратить обычного человека в калеку с одного удара.

Да и у искушенного мастера цзянху такая атака легко вызвала бы опасное внутреннее кровотечение — настолько сокрушительной была эта техника. У Лю Муханя не было ни капли внутренней энергии, однако его удар все равно вышел на удивление мощным.

Линь Хуаян внимательно следил за каждым его движением, но все же пропустил выпад. В плечо пришелся весомый удар, отозвавшийся тупой болью. Молодой мастер мысленно хмыкнул: теперь он окончательно убедился, что давешний батат, прилетевший ему в запястье, запустил именно этот мальчишка.

Без внутренней энергии кулачный бой Поместья Зеленой ивы терял половину убойной силы, однако Лю Мухань компенсировал это недюжинной природной мощью. Линь Хуаяну пришлось отнестись к противнику со всей серьезностью.

Спустя несколько сшибок Линь Хуаян пропустил еще пару болезненных тычков. Лю Мухань же, пользуясь своей юркостью и легким телосложением, раз за разом уклонялся от тяжелых замахов. Расклад сил изменился: инициатива незаметно перешла к мальчишке.

В боевых искусствах ценится точность и выверенность движений. Линь Хуаян, хоть и зазубрил домашние стили, унаследовал крутой нрав северных бойцов. Ему куда больше нравилось орудовать тяжелым длинным клинком — просто, надежно и без лишних изысков. В кулачном бою он был откровенно слабоват.

Лю Мухань же двигался безупречно. Тот факт, что лишенный внутренней энергии подросток дрался на равных с опытным мастером, доказывал: в чистой технике Линь Хуаян ему и в подметки не годился.

Раззадорившись, Линь Хуаян на подсознательном уровне подключил внутреннюю энергию. Лю Мухань, уже привыкший к размеренному темпу соперника, не успел среагировать на внезапно ускорившийся выпад. Воздушный поток от удара опрокинул его навзничь.

Линь Хуаян вовремя перехватил мальчишку за запястье и потянул на себя, не дав упасть.

— Мой проигрыш, — честно признал он.

Лю Мухань потер ушибленный бок и с искренним восторгом уставился на мужчину:

— Дядя Линь, ну вы и сильны!

Хоть в чистом состязании приемов они шли вровень — и Мухань даже едва заметно теснил соперника, — стоило Линь Хуаяну призвать внутреннюю энергию, как парень оказался беззащитен. Вот она, истинная мощь настоящих мастеров боевых искусств.

Линь Хуаян разжал пальцы и тяжело вздохнул, качая головой:

— Если брать одни приемы — ты верх взял. Правду люди бают: над каждым небом есть другое небо, а за сильным всегда сыщется сильнейший. Кулачный бой этот из нашего поместья, а ты, пришлый малец, крутишь им ловчее меня. Срамота, конечно, лицо школы я уронил, но уговор дороже денег. Сказал — сделал. Серебряный знак теперь твой. А мне пора восвояси, в Поместье Зеленой ивы. Еще свидимся!

Лю Мухань растерянно уставился на холодный узорчатый металл в своей ладони:

— Дядя Линь...

Линь Хуаян, успевший отойти на пару шагов, обернулся:

— Ежели кто из бродяг цзянху спросит, откуда приемы знаешь, так и говори: Линь Хуаян, мол, выучил. Мое имя в поднебесной кое-что да значит, шваль всякая лезть побоится. А как свидимся в следующий раз — сойдемся по-честному, без всякой там внутренней энергии. Бывай!

Этими словами Молодой мастер поместья фактически взял Муханя под свое крыло. Против авторитета наследника Зеленой ивы мало кто решился бы пойти; теперь случайные недоброжелатели из числа практиков сто раз подумают, прежде чем задирать мальчишку.

Линь Хуаян скрылся за поворотом, и в глухом переулке снова воцарилась тишина. Что напористый мастер, что хитрый Белолицый ученый — оба оказались лишь случайными попутчиками в жизни Лю Муханя. Таков уж он, беспокойный мир боевых искусств: люди встречаются, скрещивают оружие и разлетаются в разные стороны, вечно спеша по своим туманным делам.

Захолустный Городок Кленовых листьев служил идеальным убежищем. Белолицый ученый затаился здесь, надеясь сбить погоню, а Линь Хуаян шел по его следу. Теперь, когда старая обида исчерпана, обоим незачем было задерживаться в этой глуши.

Будь у Лю Муханя целы энергетические меридианы, Линь Хуаян наверняка забрал бы талантливого самородка с собой в орден — хотя бы на правах внешнего ученика. Но с поврежденными меридианами парню лучше оставаться в тишине и покое, подальше от великих сект. В суровых стенах Поместья Зеленой ивы без постоянного присмотра высокопоставленного покровителя калеке жилось бы куда солонее, чем на вольных хлебах.

В цзянху правит закон джунглей: выживает сильнейший. Какими бы отточенными ни были приемы Муханя, отсутствие внутренней энергии делало его легкой мишенью для любого мало-мальски обученного адепта.

Линь Хуаян расстался со своим серебряным знаком лишь потому, что в его карманах больше не водилось ценных вещей — он ведь не собирался проигрывать какому-то подростку. Впрочем, поостыв, он рассудил, что эта верительная грамота принесет мальчишке куда больше пользы, став надежным оберегом.

Мухань проводил взглядом уходящего воина. Посмотрев на изящную серебряную пластинку в ладони, он сжал кулак. Когда он снова раскрыл пальцы, знака уже не было — тот отправился напрямик в Пространственное хранилище.

Он вернулся к своей тележке, аккуратно собрал почерневшие от сажи камни, на которых пек картошку, и уложил их на нижнюю полку, после чего смел пепел и грязь. Бурная потасовка закончилась, оставив после себя лишь легкую нехватку корнеплодов.

Взгляд Муханя упал на плетеную корзину с бататом, сиротливо стоявшую у соседнего прилавка. Это был его собственный подарок Белолицему ученому. Вспомнив, как тот сокрушался о тяготах бытия, парень мысленно усмехнулся своей наивности: он-то счел беднягу голодающим оборванцем! Теперь понятна та странная реакция и двусмысленные расспросы.

Беглый практик скрывался от врагов и находился в постоянном напряжении, поэтому внезапное дружелюбие незнакомого мальчишки с тележкой показалось ему подозрительной уловкой.

Потоптавшись у корзины, Лю Мухань перевел взгляд на брошенный прилавок. Белолицый ученый перед уходом великодушно пожаловал ему все свои запасы, но эта щедрость лишь озадачила парня.

«Ну и чудачки эти люди из цзянху», — подумал он. Один разбрасывается серебряными знаками ценой в двести тысяч лянов, другой оставляет гору каллиграфии. Складывалось стойкое ощущение, будто в этом вашем боевом мире деньги гребут лопатой.

Как бы то ни было, добро пропадать не должно. Мухань принялся методично наводить порядок: скручивал свитки, раскладывал их по тубусам, аккуратно складывал плотные листы рисовой бумаги. Все это он грузил на свою тележку, планируя переправить в Пространственное хранилище, как только переулочек окончательно опустеет. Если судьба еще сведет его с этими господами, он честно вернет им и картины, и серебряный знак.

При ближайшем рассмотрении брошенное хозяйство оказалось весьма богатым. Помимо нескольких десятков готовых картин, под прилавком обнаружили веера, бамбуковые остовы, чистая бумага, дорогие кисти, тушь и баночки со странной сухой краской. Мухань сгреб все подчистую, оставив лишь голый деревянный каркас на колесах.

Кое-как докатив чужую тележку до оживленного перекрестка, Лю Мухань остановился перед торговцем румянами и пудрой:

— Дядя, прилавок не нужен?

Торговец прищурился, мгновенно признав вещь:

— Ба, да это ж телега того захудалого книжника из тупика! Слышать было, он там с кем-то сцепился? Я так и знал, что этот хлыщ не прост. Сразу видать — мутный тип.

Мухань не стал вдаваться в подробности, лишь уклончиво кивнул:

— Дядя Бай уехал, а поклажу бросил. Возьмете, дядя?

— А то как же, давай сюда! — оживился лавочник. — Я тебе скажу, покойный-то наш грамотей форс был любитель да цену набивал. За мазню свою по десять лянов требовал! Божился еще, мол, тележка эта из ценного палисандра слажена. Да хоть из золота! Обычный ящик на колесах, чего там ценить? Но дерево крепкое, не гнилое... Ладно, подсоблю сироте. Дам две сотни монет, и по рукам.

Бормоча себе под нос, торговец полез в кожаную мошну и выудил две увесистые связки медяков.

Лю Мухань помедлил, глядя на монеты, и вдруг выпалил:

— Триста.

Лавочник вытаращился на него в крайнем изумлении. Надо же, с виду сущий простака, а торговаться умеет! Помявшись и прикинув выгоду от прочной палисандровой рамы, он нехотя сплюнул:

— Тьфу на тебя, ладно! Триста так триста. Забирай свои гроши и катись, пока я не передумал.

Сунув парню в руки три связки монет, он притянул тележку к себе, пристроил рядом со своим прилавком и принялся шустро перетаскивать на нее баночки с белилами.

Мухань прижал к груди звенящую добычу и под ревнивым взглядом новоиспеченного владельца зашагал прочь.

Вернувшись к своей тележке и усевшись на край, он все еще пребывал в легком замешательстве.

Сказать по совести, цену он набил наобум. Для него любая, даже самая расчудесная телега оставалась грудой тесаных досок, а древесину он за ценность вообще не считал.

То, что за простой деревянный остов можно выручить целых триста монет, казалось ему чистым безумием. Похлопав по набитому карману, парень рассудил, что эти звонкие медяки куда полезнее и надежнее, чем ворох непонятных свитков, пылящихся на его повозке.

Он залез под навес тележки и вытащил горсть мелкого серебра и две медные монеты, которые Белолицый ученый выудил из кошель Линь Хуаяна в уплату за съеденный батат.

Вспоминая, как легко Линь Хуаян расстался с верительной грамотой ценой в целое состояние, Мухань окончательно поверил словам ученого: для богатого наследника эти восемь лянов действительно были пустяком. Серебряный знак он тратить, конечно, не станет, а вот монеты — честно заработанная плата за угощение.

Итого: восемь лянов от Линь Хуаяна, две монеты от Белолицего ученого и триста за проданный прилавок. На руках у него скопилось восемь серебряных лянов и триста две медные монетки. С тихим вздохом облегчения Лю Мухань пересчитал свое богатство и с новыми силами взялся за поручни тележки.

Первым делом он направился к палатке торговца паровыми пирожками, на которую заглядывался уже не первый день. Десять огромных, пышущих жаром мясных баоцзы обошлись ему в двадцать монет — по две за штуку.

К Пространственному хранилищу у него было особое доверие: там время замерло, так что продукты не портились и не остывали. Оставив парочку на обед, остальные восемь штук он незаметно переправил в тайник. Теперь у него всегда под рукой будет свежая, дымящаяся еда.

Мухань с наслаждением вонзил зубы в мягкое тесто. Горячий наваристый бульон брызнул в рот, мгновенно заполнив все восхитительным ароматом сочного мяса. Правда, начинка оказалась обжигающей. Он принялся судорожно хватать ртом воздух, смешно надувая щеки, но жар все равно покалывал кончик языка. Впрочем, это не помешало ему в несколько укусов уписать оба пирожка.

Утолив голод, он достал с повозки дорожный бамбуковый сосуд, осушил его остатками чистой воды и снова подошел к прилавку:

— Дядя, а можно мне немного соевого молока? У меня есть сушеные бобы, я обменяю.

Торговец оказался добродушным малым. Он без лишних слов зачерпнул из чана полный половник густого молока и до краев наполнил сосуд. Мухань в ответ высыпал на деревянный стол щедрую горсть отборной сои.

— Спасибо, дядя! Вы очень добрый! — весело крикнул он, забирая бамбуковый тубус.

— Беги, малец, — добродушно усмехнулся тот в усы.

Подросток лучезарно улыбнулся, пристроил питье на тележке и, навалившись всем телом на рукоятки, покатил свою ношу дальше по улице.

Едва он скрылся из виду, к палатке подошла хозяйка лавки.

— Чего рот до ушей раскатался? Опять сиротам бесплатно еду раздаешь?

— И вовсе не бесплатно, — возразил муж. — Парень за молоко бобами расплатился. Глянь на стол.

Женщина подошла ближе и удивленно приподняла брови:

— Надо же, сколько насыпал. Совсем еще дитя, а соображает.

— Ну так нужда быстро взрослит, — вздохнул лавочник. — Не зря говорят: не презирайте бедность в юности. Мальчишка ловок, работащ. Кто знает, кем он станет через пару лет? Чует мое сердце, далеко пойдет малый, большое будущее у него.

— Ой, да ладно тебе! — фыркнула жена. — У тебя все кругом гении да будущие министры. Помнишь оболтуса из семьи Ли? Десять лет назад ты ему тоже великую судьбу пророчил. И где он теперь? Как резал свиней на бойне, так и режет.

— А чем тебе забойщик не угодил? — обиделся торговец. — Честное ремесло, сытное. Опять же, Чжуцзы на днях нам отличные свиные потроха за просто так принес, забыла? Хороший же парень вырос.

— Да при чем тут Чжуцзы? Я про твои вечные фантазии говорю. Языком молоть горазд, у тебя каждый встречный — непременно великий человек.

— Это другое! — упрямо буркнул муж. — Вот увидишь, этот малец точно многого добьется!

— Ладно, ладно, пусть будет по-твоему, зануда...

— Вот увидишь... — донеслось ему вслед.

<http://bllate.org/book/18166/1749790>